

Правила (не) приличия

Алиса Блэк

Алиса Блэк

Правила (не) приличия

<https://litres.ru/74682814>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артур Беляев привык, что всё на его столе лежит по линейке, а договоры надёжнее людей. Но генеральному директору «Меридиана» срочно нужна спутница: совет директоров отдаст место председателя только женатому кандидату, а навязчивая бывшая не сдаётся. Мать предлагает выход: ассистентка Полина Воробьёва, рыжая, острая на язык и единственная в офисе, кто не боится начальника.

Полина соглашается на фиктивную помолвку за щедрую сумму, но при одном условии: договор расписан до мелочей. Так появляются двадцать три правила приличия, включая запрет на прикосновения вне публичных мест. Правила держатся, пока герои не оказываются под одной крышей в Петербурге: ошибка бронирования, один номер на двоих, и договор начинает трещать.

За холодной вежливостью прячутся старые обиды, а в тени интриг кто-то уже играет против них. Где заканчивается роль и начинается чувство, понять всё труднее. Выдержит ли договор то, что ни один регламент не предусмотрел?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Алиса Блэк

Правила (не) приличия

Глава 1

Срочно, без подписи

Охранники на турникетах в «Меридиане» боятся моего будущего начальника сильнее, чем пожарной сигнализации, и это первое, что я узнала о новой работе, даже не добравшись до лифтов.

Пропуск мне выписали в понедельник. На фотографии я вышла похожей на человека, которого только что вызвали на допрос в связи с пропажей ложки. Рыжие волосы в пучок, мокрое пальто, глаза после бессонной ночи. Я приложила пластиковый прямоугольник к считывателю, и турникет загорелся зелёным без единого звука, что в моём опыте было редкостью.

— Воробьёва? — спросил охранник, мужчина лет пятидесяти с аккуратными усами и бейджем «Пётр Фомич». — Ассистент к Беляеву?

— Да. Первый день.

— Вижу. — Он посмотрел на часы над стойкой, потом на меня. — Восемь сорок девять. Вовремя. Это хорошо.

— Спасибо. Я рассчитывала на вежливое «добро пожаловать».

— Добро пожаловать, — кивнул он без тени улыбки. — Только вы учтите, у нас тут не опоздания, у нас тут отдельный жанр. Вот в прошлом году курьер с документами приехал на три минуты позже. Три минуты, понимаете? Так его Артур Игоревич сначала выслушал, потом попросил вернуть папку назад через этот турникет, потом велел охране записать время в журнал. Курьер до сих пор у нас не работает, но вроде бы нормально живёт, на Тверской.

— Жуткая история.

— Зато поучительная, — Пётр Фомич сдвинул фуражку на затылок. — Сорок второй этаж, лифт налево, там зеркала. Смотреть в них можно, но недолго. Он не любит, когда в лифте кто-то поправляет причёску.

Я хотела спросить, кто и каким образом отслеживает причёски в лифтах башни на Москва-Сити, но двери уже закрывались, и я осталась наедине с собственным отражением. Зеркала здесь стояли с двух сторон, поэтому я видела себя бесконечное количество раз, и каждая копия выглядела чуть менее уверенной в жизни, чем предыдущая. *Полина, ты подписала контракт. Ты сама назвала испытательный срок “весёлым”. Ты будешь работать.*

Лифт тронулся, и в животе что-то оборвалось, как на американских горках в парке, где я когда-то организовывала детский праздник и однажды потеряла клоуна.

Раньше я работала event-менеджером. Громкие презентации, банкеты на триста человек, фуршеты с ледяными скульптурами, которые тают быстрее, чем гости успевают сказать тост. Одно мероприятие, которое я вела для девелоперской компании, закончилось так эффектно, что о нём до сих пор шутят в узких кругах. Потом было три месяца, когда я почти не выходила из квартиры, кроме как за хлебом и кефиром, и разговаривала в основном с роутером. Место в «Меридиане» мне дали, когда я уже перестала на него рассчитывать. Тогда я решила, что любая работа лучше, чем ещё один вечер перед ноутбуком с вопросом, как жить дальше.

Приёмная на сорок втором этаже была белой, стеклянной и такой тихой, что я слышала, как на улице за панорамным окном ветер сдувает с карниза талый снег. Февраль в Москве в этом году притворялся весной: сверху капало, снизу хлопало, и все прохожие внизу выглядели так, будто их только что выпустили из бани без полотенца.

За столом сидела женщина лет тридцати в наушниках с микрофоном. Она кивнула мне, показала пальцем на стул и продолжила говорить в микрофон что-то о согласовании графика с Цюрихом. Я села и стала ждать. Ждать в приёмной, где всё разложено по линейке, неловко: руки непонятно куда девать, а взгляд цепляется за каждую мелочь. Здесь ручки лежали параллельно краю стола, цветок в кадке стоял строго по центру, а папки на полке были подписаны ровны-

ми белыми наклейками.

— Вы Полина, — наконец сказала женщина, сняв наушники. — Я Алина. Я здесь вместо Марины, которая ушла в декрет. Или в монастырь. Версии расходятся.

— А что она сказала на прощание?

— Попросила никогда не спрашивать её, как прошла первая неделя. — Алина провела пальцем по экрану планшета. — Ладно. Слушайте внимательно, я повторять не буду. Кофе приносите в восемь сорок пять. Чёрный, без сахара, в белой чашке, не в той, которая с котиком. Он не говорит «спасибо», он говорит «принято». Если он говорит «минуту», это значит, что минуты не будет, а будет четыре. Если он молчит, он думает, и вам не надо в этот момент спрашивать, нужно ли ему что-то. Любое письмо печатаете только по регистрационному номеру. И, пожалуйста, не смотрите на его дверь так, будто хотите её открыть. Он её видит. Даже когда вы думаете, что он занят.

— Звучит как инструкция к бомбе.

— Это и есть инструкция, — серьёзно ответила Алина. — Только без таймера.

Я невольно усмехнулась, и она, кажется, это отметила. Взгляд у неё был быстрый, цепкий, как у человека, который годами считает чужие ошибки в таблицах.

— Ещё вопросы?

— Почему он такой?

Алина посмотрела на меня с выражением, которое в дру-

гой жизни означало бы жалость, а здесь, видимо, означало профессиональную оценку.

— Он не такой, — сказала она. — Он просто верит, что если всё правильно разложить, никто и никогда не сможет сделать больно. Регламентами он защищается. Немного похоже на забор с колючей проволокой, только вместо проволоки пункты договора.

— Обнадёживает.

— Ну, вы же сюда пришли не за комплиментами.

Она опять надела наушники, давая понять, что разговор окончен. Я встала, оправила пиджак, который вчера выбирала с особой тщательностью, решив, что строгий тёмно-синий цвет будет смотреться солидно. Теперь мне казалось, что я похожа на школьницу, которую вызвали к директору.

Из коридора за стеклянной стеной донёсся звук шагов. Быстрых, ровных, без лишней суеты. Я уже научилась слышать людей по походке, еще в прошлой работе это спасало от многих неприятностей. Этот звук не принадлежал человеку, который опаздывает, и не принадлежал человеку, который спешит. Так ходят люди, которые точно знают, сколько метров им осталось до цели.

Из-за угла показался мужчина в тёмном пальто, с планшетом под мышкой и телефоном у уха. Высокий, чуть за тридцать, светлые волосы подстрижены коротко, лицо спокойное и закрытое, как дверь банка в восемь вечера. Он говорил по телефону холодным, очень ровным голосом, почти не повы-

шая тона, и каждое слово у него звучало так, будто его проверили на соответствие ГОСТу.

— Пункт четыре изменить не будем, — сказал он в трубку. — Срок остаётся. Если Цюрих хочет другого, пусть присылает обоснование, а не эмоции.

Он поравнялся с приёмной. Алина вскочила, но он не остановился и даже не повернул головы в её сторону. Его взгляд скользнул по мне, на долю секунды задержался на рыжих волосах и мокром пальто, которое я так и не сняла, и тут же ушёл куда-то дальше, в глубину коридора, где уже виднелась тяжёлая дверь кабинета.

— Воробьёва, — бросил он на ходу, не замедляя шага. — Вы на месте. Хорошо.

И прошёл мимо, так что моё «доброе утро» досталось только стеклу.

Я стояла посреди приёмной, и мне вдруг стало важно, куда девать руки. Сумку я переложила с одного плеча на другое, потом зачем-то поправила ремешок, потом снова уронила руку вдоль бедра. Дверь кабинета закрылась тихо, почти беззвучно, и от этой тишины стало неловко, будто меня только что вежливо, но окончательно внесли в список.

— Видели? — Алина снова сняла наушники и посмотрела на меня с новым интересом. — Это он с вами поздоровался.

— Он сказал «вы на месте».

— Это и есть приветствие. Для него «вы на месте» — почти объятие.

— Тогда я, наверное, плохо разбираюсь в объятиях.

Она хмыкнула и повернулась к экрану. На нём мигали какие-то таблицы, цветные полосы, похожие на график температуры у больного, которому обещали выздоровление к понедельнику.

— Пальто повесьте вон там, в шкафу с матовой дверцей, — сказала она, не отрываясь от монитора. — Не на спинку стула. На стуле оно будет выглядеть так, будто вы собираетесь уйти раньше времени.

Я послушно пошла к шкафу. Дверца поддалась неожиданно легко, внутри стояли три одинаковых вешалки и что-то вроде сушилки для обуви, хотя обуви там не было. Я повесила пальто, аккуратно расправив плечи, и почувствовала себя человеком, который сдаёт экзамен по этикету, не зная ни одного правила.

— А кофе? — спросила я, вернувшись.

— Кофе был в восемь сорок пять. — Алина бросила взгляд на часы над стойкой. — Сейчас восемь пятьдесят два. Он его уже выпил, из той белой чашки. Пришёл, сел, сделал два глотка и сказал, что кофе на этой неделе слишком тёплый. Вы не виноваты, не переживайте. Это он так здоровается с погодой.

— Значит, с завтрашнего дня я приношу кофе в восемь сорок, — сказала я, стараясь звучать бодро. — Чтобы он успел его остудить до нужной температуры.

— С завтрашнего дня вы приносите его в восемь сорок

пять, — поправила Алина. — Ровно. Если он остынет, это будет ваша проблема, а не его. Он никогда не жалуется, он просто заносит в какую-то свою таблицу.

— Какую таблицу?

— Ту, в которой записано всё, что с ним было не так, — Алина пожала плечами. — Но вы не переживайте. Туда попадают все. Даже Глеб Евгеньевич, а он из финансового и вообще посмел однажды назвать его «Артурчик».

Я представила, как финансовый директор «Меридиана» получает в уведомлении строгий выговор за ласковое имя, и не удержалась от смешка. Алина посмотрела на меня поверх монитора, но ничего не сказала. Кажется, она решила засчитать мне это как первый плюс.

Я осмотрелась. Приёмная походила на аквариум, в котором рыбы плавают по расписанию. Из-за стеклянной стены доносился ровный гул офиса: голоса, стук клавиш, чей-то смех, резко обрубленный на полуслове, будто кто-то вспомнил, где находится. Всё здесь было подчинено какому-то невидимому ритму, и я вдруг поймала себя на том, что тоже пытаюсь дышать в этом ритме, и у меня ничего не получается.

Телефон на столе Алины тихо звякнул. Она взглянула на экран, поморщилась и провела пальцем, не отвечая.

— Это Цюрих, — пояснила она. — Они всегда звонят, когда у нас обед. У них, видимо, обед в другое время, а может, там вообще никто не обедает, а просто сидят у окон и

страдают.

— Вы давно здесь работаете?

— Три года. — Она помолчала. — Первые полгода я думала, что он меня не замечает. Потом поняла, что замечает, просто иначе. Он запоминает всё, что я делаю. Не в хорошем смысле и не в плохом. Просто запоминает. Поэтому если однажды я сделаю что-то неправильно, он вспомнит это через месяц, в самый неожиданный момент, и будет очень спокойно об этом говорить.

— Звучит приятно.

— Зато никогда не бывает неожиданностей, — сказала Алина и снова надела наушники.

Я не стала спрашивать, что она считает неожиданностью. Вместо этого я посмотрела на стеклянную дверь кабинета, за которой стояла полная тишина, и поняла, что стараюсь не смотреть на неё слишком долго. Мне казалось, что за матовым стеклом кто-то читает мои мысли, и они ему не слишком интересны, но слишком подробны.

Полина, это работа, — сказала я себе. — Просто работа с плохим характером начальника и очень хорошим кофе, который ты пока не умеешь варить. Ты справишься.

Я села на стул, на который мне указала Алина, и положила ладони на колени. Ладони были холодными, как будто я всё утро держала их на стекле. За окном ветер гнал по небу низкие серые облака, и где-то далеко внизу, между башнями, блеснула полоска реки. Город жил своим шумом, а здесь

всё шло по линейке, и я впервые за долгое время подумала, что, возможно, это не так уж и плохо.

Алина кивнула на стеклянную дверь и одними губами сказала: «Заходите».

Я постучала, хотя дверь была стеклянной и всё равно прозрачной. Из кабинета донеслось короткое «войдите», и я поняла, что стучать было лишним. Он слышал моё приближение ещё от лифта. Наверное, у него где-то был датчик на каблучки.

Кабинет оказался большим, светлым и пустым, как выставочный зал, в котором хотят показать, что здесь ничего не случается. На столе лежали папка, ручка и телефон, и всё это было выровнено так точно, будто стол измеряли лазером. За спиной Артура от пола до потолка тянулось окно, и город в нём выглядел плоским, серым и бесконечным. Где-то внизу ещё лежал мокрый снег, а река под мостом казалась тёмной полосой, которую забыли нарисовать.

Артур сидел в кресле и смотрел в монитор. Он не поднял головы.

— Садитесь, Воробьёва. Письмо в Таллин. Записывайте.

Я села на край стула, достала блокнот, потом вспомнила, что у меня есть телефон с диктофоном, и убрала блокнот обратно. Для первого дня лучше было выглядеть усердной, а не прилежной.

— «Уважаемый Март Янович, — начал он ровным голосом, словно читал прогноз погоды. — Прошу в течение

двух рабочих дней предоставить расчёт по второму траншу с учётом изменений курса. Направляйте материалы на почту отдела стратегии». Точка. Дальше: «Срочно, без подписи». Точка.

Он замолчал. Я ждала продолжения, но продолжения не было. Тогда я подняла глаза.

— Всё?

— Всё. Печатайте. Через десять минут письмо должно уйти.

Я посмотрела на экран, который он, кажется, нарочно развернул ко мне, и медленно перечитала последнюю строку. *Срочно, без подписи*. Даже в ровном тексте эти слова выглядели так, будто их написал человек, который очень спешит, но не хочет, чтобы потом кто-то узнал, кто именно спешил.

— Нет, — сказала я.

Артур наконец поднял голову. Взгляд у него был спокойный, почти вежливый, и от этой вежливости хотелось поёжиться.

— Простите?

— Я не буду это печатать в таком виде.

— Вы не будете печатать письмо, которое я вам продиктовал.

— Не буду. — Я постаралась говорить так же ровно, как он. Получилось, кажется, даже лучше. — Понимаете, письмо без подписи — это бумага, от которой потом не отмоёшься. Её можно показать кому угодно. Таллин скажет, что получил

неподписанный документ от холдинга, который требует расчёт за два дня. Юристы скажут, что это не официальная позиция. Кто-нибудь в вашем же совете директоров решит, что вы отправили запрос, которого сами не хотите признавать. И все будут правы, а ответственности не будет ни у кого.

— Вы закончили?

— Почти. Ещё есть процедура.

Он откинулся в кресле. Кожа скрипнула тихо и дорого, как будто даже мебель здесь умела выражать недовольство по правилам.

— Воробьёва, вы работаете в «Меридиане» меньше суток.

— Я работаю здесь двадцать три минуты. Но я успела заметить, что вам нравится, когда всё под контролем. Поэтому я и говорю про процедуру, а не про свои ощущения.

Он помолчал. Потом открыл ящик стола, достал тонкую папку и положил её передо мной. Папка была серой, с логотипом холдинга в углу, и я узнала её сразу. Вчера в восемь вечера мне пришло письмо с вложением: «Регламент документооборота, версия третья. Ознакомиться до понедельника». Тогда я подумала, что до понедельника означает «до утра понедельника», и потратила весь вечер, чтобы прочитать всё до последней запятой.

— Вы читали регламент, — сказал он. Это был не вопрос.

— Я читала всё, что вы прислали. У вас очень точные формулировки. Редко бывает, чтобы в корпоративном документе было так мало слов, которые можно понять двояко.

— Тогда вы знаете пункт два четыре.

— Конечно. «Исходящая корреспонденция направляется только при наличии подписи уполномоченного лица. Срочность обосновывается служебной запиской, которая прикладывается к документу». — Я посмотрела ему в глаза. — Служебной записки в вашем тексте нет. Есть только слово «срочно» и слова «без подписи». А по регламенту это вообще не документ, а черновик, который никто не имеет права отправлять.

Он молчал. Я видела, как на его скулах на секунду напряглись мышцы, и тут же всё снова стало гладким, как поверхность стола.

— Напоминаю, — сказал он, чуть медленнее, чем раньше, — что первые три месяца вы работаете на испытательном сроке. За это время я могу расторгнуть договор с вами по пункту семь точка три.

— Знаю. С уведомлением за три рабочих дня. — Я улыбнулась, и, кажется, это была самая неприятная улыбка за последний месяц. — И в этом же пункте, если я правильно помню, написано, что работодатель обязан обосновать претензии в письменной форме. Так что, если вы захотите объяснить, за что меня уволили, вам придётся сделать служебную записку. С подписью. Это будет очень наглядно.

В кабинете стало тихо так, что я услышала, как внизу, на улице, загудел трамвай, которого в Москва-Сити не должно быть по определению. Наверное, мне просто показалось.

— Вы хотите сказать, что я не соблюдаю собственный регламент? — спросил он.

— Я хочу сказать, что вы его написали, и он хороший. Очень чёткий. Я бы даже сказала, вдохновляющий, если вы любите читать такие вещи перед сном.

Он смотрел на меня долго. Не так, как смотрят на подчинённых, и не так, как смотрят на врагов. Скорее как на документ, в котором нашли ошибку, и теперь надо решить, это опечатка или намеренная подделка.

— Регламент пишется для людей, которые в нём не разбираются, — сказал он наконец.

— Тогда он пишется не для меня. Я в нём разбираюсь очень хорошо.

Пауза. Где-то за стеной прошли каблуки, и кто-то засмеялся, быстро оборвав смех. Артур перевёл взгляд на монитор, потом снова на меня. Кажется, он впервые за всё время не знал, что сказать, и это было для него, судя по всему, непривычно.

— Печатайте служебную записку, — сказал он ровно. — Срочность обоснуйте одним предложением. Адрес, текст, подпись моя. Отправка через двадцать минут.

— Слушаюсь.

— И, Воробьёва.

Я уже встала и застегнула сумку. Остановилась.

— Да?

— Пункт семь точка три читается так, как вы его прочли,

только если его читать по абзацам. Советую в следующий раз читать его целиком.

Он снова уткнулся в монитор, и я поняла, что разговор окончен. Вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь. Алина даже не подняла глаз, но её пальцы на клавиатуре чуть замедлились, и я почувствовала, что на меня смотрят через наушники, которые ничего не заглушали.

Я села за свой стол и открыла шаблон служебной записки. Руки чуть дрожали, но не от страха. Скорее от того, что внутри всё было натянуто и звенело, как провод под ветром. Я напечатала «Срочность обусловлена», остановилась, стёрла «обусловлена» и написала «обоснована». Потом подумала, что это глупо, и засмеялась в голос.

Алина подняла голову.

— Он вас выгнал?

— Нет. Пока нет. Он сказал, что пункт семь точка три надо читать целиком.

— Это значит, что вы ему понравились, — спокойно сказала Алина и снова опустила взгляд. — Или что он будет вас проверять ещё месяц. У него это одно и то же.

Я посмотрела на экран, на аккуратный текст служебной записки, на собственное отражение в тёмном стекле монитора. Рыжие волосы торчали в разные стороны, пальто в шкафу висело ровно, а сама я сидела очень прямо, как человек, который только что выиграл спор и теперь не знает, что с этим делать.

Работать здесь будет нескучно. Это я поняла ещё до того, как он сказал «двадцать минут». Уйти отсюда просто так, хлопнув дверью, теперь не получится, потому что дверь он закрывает тихо, и это куда хуже.

Глава 2

Регламент для живых людей

Утром в «Меридиане» пахло не кофе, как я ожидала, а полировкой и чем-то металлическим, похожим на холодный воздух из кондиционера. Пётр Фомич, охранник на турникетах, посмотрел на мой пропуск дольше, чем нужно, сверил фотографию с моим лицом и кивнул.

— Вовремя, — сказал он. Это прозвучало почти как похвала.

— Я всегда вовремя. Это, кажется, единственное, что я умею делать без инструкции.

— Инструкция есть на всё, — сказал Пётр Фомич и вернул пропуск. — Просто не все её читают.

Я улыбнулась ему и пошла к лифтам. Зеркальные стенки отражали меня со всех сторон: рыжие волосы, которые не желали лежать гладко даже после получаса с феном, светлое пальто, сумка, которая сползала с плеча. В одном из зеркал я выглядела как человек, который опаздывает, хотя я пришла на двадцать минут раньше. В другом — как человек, который собирается кого-то уволить. Я решила не выбирать.

Алина уже сидела за своим столом в приёмной, и перед ней стояла пустая белая чашка, аккуратно повернутая ручкой вправо.

— Кофе, — сказала она, не поднимая глаз. — Без сахара. Восемь сорок пять. Чашка белая, не та, что с котиками, он её заметит.

— А если он заметит, что кофе не тот?

— Он заметит, что кофе не тот, — спокойно сказала Алина. — Но если кофе будет тот, он ничего не скажет. Это и есть система.

Я пошла к кофемашине в кухонной зоне, где стоял стеклянный шкаф с чашками, и выбрала самую белую. Машина шумно выплюнула эспрессо, и я долго смотрела на коричневую струйку, пытаясь не думать о том, что вчера я напечатала служебную записку, а сегодня мне предстояло принести кофе человеку, который эту записку подписал. Подпись, между прочим, была, и выглядела она так, будто её вывели линейкой.

В восемь сорок пять я постучала в его кабинет, дождалась короткого «войдите» и поставила чашку на стол, ручкой вправо, как учила Алина.

— Доброе утро, — сказала я.

Артур сидел, не поднимая головы от монитора, и на секунду мне показалось, что он меня не услышал. Потом он протянул руку, взял чашку, сделал глоток и только после этого посмотрел на меня.

— Принято, — сказал он.

Я подождала, пока что-то случится. Ничего не случилось.

— Это значит «спасибо»?

— Это значит «принято». Спасибо — слово для людей, которые ждут благодарности. Я жду результата.

— Понятно. Тогда я буду стараться не получать благодарностей.

Он поднял на меня взгляд, и я поймала на себе тот же взгляд, что вчера, — ровный, внимательный, как у человека, который составляет таблицу и ищет, в какой колонке ошибка.

— Совещание в девять, — сказал он. — Переговорная «Прозрачная». Вы ведёте протокол. Протокол отправляете в течение десяти минут после окончания. Вы на месте до того, как кто-либо войдёт.

— А если кто-то войдёт раньше?

— Тогда вы будете на месте раньше.

Я уже открыла рот, чтобы сказать, что это логически неверно, но он уже снова смотрел в монитор.

Переговорная «Прозрачная» располагалась на сорок первом этаже, и название было выбрано точно. Стены из стекла, стол из светлого дерева, на котором не было ни одной лишней бумажки. Вдоль одной стены тянулся вид на Москву, серую и влажную, с крышами, которые казались картонными, и сиреневой дымкой над рекой. Через стекло было видно всё: каждого, кто заходил, каждый жест, каждую ручку, которую тянули к карману. Но слышно не было ничего. Я сидела за торцом стола с ноутбуком и понимала, что здесь можно вести переговоры, как немой кинематограф: все шевелят губа-

ми, а зритель гадает по движениям.

Люди подтягивались по одному. Кирилл Немчинов из направления развития, невысокий, с галстуком, который всё время норовил съехать вбок. Вера Осипова из юридического, с папкой, которую она прижимала к груди, как щит. Двое из логистики, которых я толком не запомнила, но один из них был рыжеватым, как и я, и мы даже успели переглянуться с сочувствием. Потом вошёл Артур, и все, кто уже сидел, выпрямились, хотя он не сказал ни слова.

Он сел во главе стола и поставил перед собой маленький таймер. Не электронный, а механический, с ржавым колёсиком, который, судя по звуку, был куплен специально для этой цели.

— Девять ноль одна, — сказал он. Слов я не слышала, но движение губ было очевидным, и по выражению лиц все поняли. — Двенадцать минут на логистику, пять на бюджет, остальное на вопросы. Немчинов, начинайте.

Немчинов открыл рот, и за стеклом было видно, как он нервно поправляет галстук. Потом он заговорил, быстро, перескакивая с одного на другое. Я печатала, стараясь не пропустить цифры, и краем глаза следила за Артуром.

Он не перебивал. Он вообще почти не двигался. Только смотрел. Один раз, когда Немчинов сказал «мы предполагаем», Артур посмотрел на него, и всё. Ни звука, ни жеста. Но Немчинов сбился, замолчал, потом сказал «то есть мы знаем» и уже без всякой уверенности продолжил. Через стекло

было видно, как у него двигается кадык, будто он проглотил что-то горячее.

Потом заговорила Осипова, и Артур наклонился чуть вперёд, положив локти на стол. Она говорила о договоре с поставщиком, и на слове «пени» он поднял палец. Всего один палец, без нажима. Осипова замолчала. Её рука, которая держала папку, чуть дрогнула, и папка съехала на край стола. Никто её не поправил.

Я поймала себя на том, что тоже перестала дышать. Странно: мы сидели в разных концах стола, и на меня он даже не смотрел, но я всё равно чувствовала, как напряжение растекается по комнате, как вода по полу, которую вытирают, но не до конца.

— Тридцать секунд, — сказал Артур и щёлкнул таймером. Звук не было, но щелчок я почти услышала.

Осипова заговорила быстрее, и через минуту уже не было понятно, о чём речь, но Артур кивнул, и все выдохнули одновременно. Это было похоже на аплодисменты, только беззвучные.

Совещание закончилось ровно в девять двадцать восемь. Люди вставали, собирали бумаги, не глядя друг на друга. Немчинов первым вышел за дверь, и я видела, как он на секунду прислонился к стеклу, будто проверяя, не из стекла ли он сам.

Артур не вставал. Он смотрел в окно, на туманную Москву, и на лице у него не было ничего, кроме спокойствия. По-

том он повернулся ко мне.

— Протокол, — сказал он, хотя я уже сидела с готовым текстом.

— Через восемь минут, — ответила я.

— Через шесть.

Я нажала на кнопку и отправила. Он кивнул. Вопросов не было, и я поняла, что это тоже был ответ.

На кухне было тепло, пахло молотым кофе и чем-то сладким, похожим на ванильные булочки, которые кто-то принёс из соседней пекарни. Я налила себе воды из кулера и обернулась. У окна, облокотившись на подоконник, стоял мужчина лет тридцати пяти, в тёмно-синем пиджаке без галстука, с чашкой в руке и выражением человека, которому очень весело.

— Вы, значит, Воробьёва, — сказал он. — Тот самый регламент, с которым вы успели подраться.

— Я не дралась. Я читала пункт.

— Вот именно, — он широко улыбнулся. — Глеб Старицкий. Финансы. Могу взять на себя ответственность за всё, что тут творится, кроме того, что творит сам Артур.

— А что он творит?

— Всё, — Глеб отхлебнул из чашки. — Он смотрел на Немчинова так, что тот, по-моему, до сих пор не может найти свой галстук. Вы видели?

— Я видела, как Немчинов сглотнул.

— Вот видите, вы уже всё понимаете. — Глеб поставил

чашку на подоконник и посмотрел на меня серьёзно, хотя глаза у него по-прежнему смеялись. — Послушайте, Полина. Можно Полина?

— Можно.

— Артур не злой. Его так многие воспринимают, и понимаю, почему. Но он не злой. Он просто верит в порядок. Как в религию. Только религия у него строгая, с уставом, без отпущения грехов и без скидок на обстоятельства. Если регламент сказал «двенадцать минут», значит, будет двенадцать. Если сказано «не отправлять без подписи», то без подписи письмо не уйдёт, даже если на улице конец света и Таллин горит.

— Таллин, кажется, не горит, — сказала я. — Там просто ждут расчёт.

— Вот видите! — Глеб рассмеялся, и смех был таким заразительным, что я сама чуть не улыбнулась. — Вы уже в теме.

Я поставила стакан на стол и посмотрела в окно. Внизу, на другой стороне стеклянной башни, отражалось небо, и казалось, что оно держится на тонких стеклянных плашках.

— А он всегда такой? — спросила я.

— Всегда. Мы знакомы со студенческих лет. Он тогда уже составлял расписание для всей общаги. Даже для тех, кто не просил. — Глеб покачал головой. — Вы думаете, что к нему нельзя привыкнуть. Можно. Просто надо понять, что его раздражает не вы, а беспорядок. Вы просто оказались к

нему ближе всех.

— Спасибо, — сказала я. — То есть, наверное, «принято».

Глеб снова засмеялся.

— Вот это вы уже запомнили, — сказал он. — Только не называйте его Артурчиком. Я однажды назвал, и мне до сих пор присылают регламент по телефонной этике. Три страницы, с картинками.

— Это была ошибка?

— Это была моя единственная ошибка за двенадцать лет. И, пожалуй, самая дорогая.

Он допил кофе и поставил чашку в мойку, аккуратно, почти так же, как Алина. Потом обернулся ко мне.

— Кстати, кофе без сахара, — сказал он. — Это правильно. Он говорит, что сахар мешает слышать вкус. Я не понял, что он имеет в виду, но спорить не стал.

Я посмотрела на свою белую чашку, которую так и не вымыла, и поняла, что, кажется, начинаю понимать.

Когда я вернулась в приёмную, Алина уже поправляла стопку бумаг на краю стола, а из-за закрытой двери кабинета донёлся тихий, ровный голос:

— Воробьёва. Вы на месте?

— На месте, — сказала я, не открывая двери.

— Хорошо, — ответил он. — Тогда принесите мне воды. Без газа. Комнатной температуры.

Я посмотрела на Алину. Алина посмотрела на меня и едва

заметно пожала плечами.

— Это значит «принято», — прошептала она.

* * *

Лидия Аркадьевна появилась в приёмной без четверти два. Я поняла, кто это, ещё до того, как она заговорила, потому что Алина вдруг выпрямила спину и перестала барабанить по клавиатуре. Так выпрямляются только перед начальством или перед погодой, которую нельзя пропустить.

Женщина была невысокой, в тёмно-сером костюме, который сидел на ней так, будто его шили не по фигуре, а по характеру. Седина была уложена аккуратно, почти без единой выбившейся пряди. В руке она держала узкий кожаный портфель, и я почему-то подумала, что внутри у него не бумаги, а список людей с пометками.

— Вы Полина, — сказала она. Это был не вопрос.

— Да. Здравствуйте.

— Здравствуйте. Я Лидия Аркадьевна. Не Беляева-старшая и не мать Артура, хотя формально и то и другое. Просто Лидия Аркадьевна. У меня к вам короткий разговор. Зайдите, когда будете свободны.

— Я свободна сейчас, — сказала я, и только потом сообщила, что этим ответом, наверное, сделала ошибку. Артур бы сказал, что свободна я не в тот момент, когда хочу, а когда есть окно в графике. У меня было окно. Оно было из двух

строчек протокола, которые я обещала отправить через четыре минуты. Но Лидия Аркадьевна уже смотрела на часы, и было понятно, что четыре минуты она тоже считает.

— Вот и отлично, — сказала она. — Значит, сейчас.

Алина посмотрела на меня с выражением человека, который видит, как кто-то идёт по минному полю в лакированных туфлях.

Кабинет Лидии Аркадьевны находился на другом конце коридора, за дверью без таблички, и внутри было тихо так, что я слышала собственные шаги по паркету. Окна выходили на реку, точнее на её серую полосу между башнями. Ветер над Москвой-Сити был, судя по всему, сильным: на стекле дрожали редкие капли, которые тут же сдувало вбок. Из-за этого казалось, что здание слегка покачивается, хотя я знала, что оно стоит прочнее любого моего решения.

— Садитесь, — сказала Лидия Аркадьевна и указала на кресло напротив своего стола. Кресло было низким. Я села и поняла, что мой взгляд оказался ровно на уровне её подбородка, а она смотрит сверху, без всякого нажима, просто потому, что так удобно.

— Вы работали в агентстве «Фестиваль Плюс», — начала она, не глядя в бумаги. Бумаги у неё лежали открытыми, но она их не читала. Она и так знала. — Event-менеджером. Три года.

— Два года и восемь месяцев, — уточнила я.

— Вы считаете, это важно?

— Для меня важно. Три года звучит как история успеха, а два восемь звучит как история.

Она чуть приподняла брови. Это было не одобрение и не осуждение, а скорее любопытство учёного, который увидел, как мышь обошла ловушку.

— Расскажите про мероприятие, — сказала она. — Про то, которое вы провалили.

Внутри у меня что-то сжалось, как бывает, когда на лестнице неожиданно не хватает ступеньки. Я постаралась, чтобы лицо осталось спокойным, хотя по опыту знала, что лицо меня обычно предаёт в самый неподходящий момент.

— Это был ужин на тысячу двести человек в Юсуповском саду, — сказала я. — Замечательная идея, плохая погода и подрядчик, который перепутал даты. Гости приехали на неделю раньше, и мы две ночи кормили их пирожками в фойе. Пирожки были хорошие. Всё остальное было так себе.

— Вас обвинили в том, что вы не предупредили заказчика.

— Меня обвинили в том, что я предупредила не того заказчика. Я написала письмо, но оно ушло на адрес, который уже не работал. Это было моё упущение. Я его признала. И после этого три месяца сидела дома и смотрела на потолок так внимательно, что могла бы нарисовать его по памяти.

Лидия Аркадьевна молчала. Молчала долго, и я начала ощущать, как в кабинете нарастает давление, будто в скороварке. Потом она сказала:

— Вы сейчас сказали правду. Или очень хорошую её версию.

— Я не умею говорить плохие версии. Это, наверное, недостаток.

— Недостатки, Полина, у всех. Важно, как они используются.

Она открыла папку, которая лежала рядом, и перелистнула страницу. Я не видела, что там написано, но почерк был мелкий, и это меня напрягло больше, чем любой вопрос.

— Почему вы выбрали «Меридиан»? — спросила она. — У вас было три предложения. Два из них выглядели надёжнее.

Я подумала, что на этот вопрос можно ответить тремя способами. Первый был бы вежливым и пустым: «Мне нравятся масштабы компании». Второй был бы честным, но опасным: «Мне предложили должность рядом с вашим сыном, и я решила, что это либо очень смешно, либо очень полезно». Третий был правдивым и почти безопасным.

— Потому что здесь, судя по всему, никто не делает вид, что порядок — это необязательно, — сказала я. — Это редкость. Во всех остальных местах порядок существует как пожелание. Здесь он существует как закон. Мне кажется, с законом работать проще, если он честный. А он честный. Даже когда неприятный.

— Вы считаете моего сына неприятным?

— Я считаю, что он предпочитает ясность вежливости.

— Это очень тактичный ответ.

— Тактичнее было бы сказать, что он прекрасен.

Лидия Аркадьевна сняла очки, которые я раньше не заметила, и положила их на папку.

— Мой сын, Полина, любит, когда всё в порядке. Не когда ему удобно, а когда всё стоит на своих местах. Ему тридцать четыре года, и он до сих пор считает, что если расписать каждую минуту, то с людьми не случится ничего неожиданного. Это, знаете ли, очень наивно. И очень опасно, потому что люди всё равно выходят из-под контроля. Вы, я полагаю, это уже заметили.

— Заметила, — сказала я. — Вчера он попросил меня напечатать письмо без подписи, и я отказалась. Он тут же напомнил мне про испытательный срок.

— И что вы ответили?

— Что у испытательного срока тоже есть регламент. Он не нашёлся, что сказать. Потом нашёлся.

Лидия Аркадьевна на секунду улыбнулась, и эта улыбка была такой короткой, что я решила, что мне почудилось.

— Вы умеете отвечать, — сказала она. — Это редкость у тех, кто его боится.

— Я его не боюсь.

— Я заметила.

Она встала, подошла к окну и посмотрела на реку. Ветер там, видимо, поднялся сильнее, потому что по стеклу ударила горсть мелкого дождя, и я услышала тихий шорох, как

будто кто-то перебирал крупу.

— Последний вопрос, — сказала она, не оборачиваясь. — Вы будете спокойно смотреть, если моего сына начнут обсуждать в коридорах? Не в лицо, за спиной. Вам это понадобится. Здесь всё обсуждают быстрее, чем подписывают.

— Я буду смотреть так же спокойно, как на пирожки, — сказала я. — То есть без лишнего интереса, но с пониманием, что пирожки всё равно съедят.

Лидия Аркадьевна повернулась ко мне, и я впервые увидела, что у неё серые глаза, очень прямые и совершенно неподвижные.

— Идите, Полина, — сказала она. — Вы мне понравились. Это не комплимент, а констатация.

Я поднялась, и мне стало неловко от того, что кресло такое низкое, и я выходила из кабинета почти на цыпочках. Уже в дверях она добавила:

— И отправьте протокол. Мой сын любит, когда ему не приходится напоминать.

Я кивнула и закрыла за собой дверь. В приёмной Алина смотрела на меня поверх монитора.

— Ну что? — прошептала она.

— Я, кажется, сдала экзамен, которого не знала, — сказала я. — И не уверена, что мне поставили оценку.

— Поставили, — кивнула Алина. — Вы ещё живы. Для Лидии Аркадьевны это уже пятёрка.

Я отправила протокол за минуту до того, как Артур от-

крыл дверь и молча посмотрел на часы. Он ничего не сказал. Только кивнул, и я поняла, что сегодня это был его максимум.

Вечером в лифте, спускаясь с сорок первого этажа, я стояла перед зеркальной стенкой и видела в ней рыжую женщину с сумкой на плече, которая зачем-то поправляет воротник. Лифт шёл медленно, остановился на тридцатом, и в него вошёл мужчина с кофе. Он посмотрел на меня, на свои ботинки, снова на меня, и я почувствовала, что улыбаюсь. Без всякой причины. Просто так, как улыбаются в метро, когда ни с того ни с сего вспоминают что-то смешное.

Это мне решительно не понравилось.

Глава 3

Ужин, который закончился скандалом

Карточки гостей были разложены на белой скатерти в том порядке, который утвердила Алина, и я проверяла их третий раз, потому что знала: Артур заметит даже перекошенный уголок. Иностранный инвестор из Цюриха сидел слева от председателя, а не справа, и я переставила карточку, потом передумала и вернула всё как было. Председатель правления, между прочим, терпеть не мог, когда его сажали рядом с окном. Об этом Алина сообщила мне на первой неделе так, будто речь шла о гранате в кармане.

Ресторан занимал весь сорок второй этаж, и стеклянная стена за нашими спинами была такой большой, что в ней, как в аквариуме, плавали огни Москвы-Сити. Снег на крышах уже превратился в серую кашу. Февральская оттепель шла третий день, и по стеклу медленно стекали капли, от которых город снаружи казался размытым, будто его рисовали акварелью и забыли досушить.

— Сорок минут на приветствие, — сказал Артур, не поворачивая головы. — Потом вы уходите к столику номер четыре и проверяете, что у Немчинова нет аллергии на морепродукты.

— У Немчинова есть аллергия на вас, — сказала я. — Это указано?

— Это не указывается. Это наблюдается.

Он стоял у окна, в тёмном костюме, с бокалом воды, которую не пил. Вода, как я уже выяснила, должна была быть без газа и комнатной температуры, иначе официант получал выговор, а официант в этом ресторане, судя по его лицу, уже трижды получал выговоры за то, что дышал. Я стояла в полушаге от Артура, со списком в руках, и мне казалось, что я являюсь частью интерьера, вроде фикуса или пепельницы из чёрного камня, которую никто не замечает, пока не понадобится.

— Вы опять смотрите на часы, — сказал он.

— Я смотрю на время. Часы просто оказались на нём.

— Двадцать один ноль пять. Через пять минут Юрий Андреевич начнёт рассказывать про свою яхту.

— Значит, у нас есть пять минут, чтобы подготовиться к яхте.

Он повернул голову, и я заметила, что в углу его рта дрогнуло что-то очень короткое. Не улыбка. Скорее её черновик, который он тут же порвал.

— Вы всегда так отвечаете? — спросил он.

— Только когда вы задаёте вопросы, на которые уже знаете ответ.

— Это неправильный подход к коммуникации.

— Это правильный подход к вашей коммуникации. Вы

сами её так устроили.

Он не ответил. Посмотрел на зал, потом на меня, потом снова на зал, будто проверял, не выпал ли кто из системы. Мне стало интересно, сколько людей за день получают от него такой взгляд и сколько из них возвращаются с ним на следующий день. Судя по тому, как вела себя охрана у турникетов, цифра была небольшой, но упорной.

Зал постепенно наполнялся. Гости входили группами, как дождь, который решил идти по расписанию. Женщины в тонких платьях, мужчины в костюмах одного и того же серо-синего оттенка, будто их всех выдали в одном отделе. Кто-то смеялся слишком громко, кто-то, наоборот, говорил только шёпотом, и я уже научилась различать тех, кто здесь работает, и тех, кто пришёл показать, что может себе позволить сорок второй этаж.

Вероника Лазарева вошла без группы.

Я поняла, что это она, ещё до того, как увидела лицо. Потому что все вокруг чуть изменили траекторию, как вода вокруг камня. Высокая, в тёмно-бордовом платье, с волосами цвета тёплого шоколада, которые лежали так, будто их уложили минут сорок назад и с тех пор ни разу не нарушили. Она держала бокал шампанского небрежно, двумя пальцами, и улыбалась так, словно этот зал был её офисом, а мы все — сотрудниками, которым ещё не сообщили о переезде.

— Артур, — сказала она.

Голос у неё был мягкий. Почти ласковый. Таким голосом

обычно разговаривают с ребёнком, который вот-вот сделает что-то опасное, но ещё не сделал.

— Вероника, — ответил он.

Этого было достаточно, чтобы понять, что между ними была длинная история. Не просто роман, а что-то вроде многолетнего договора с пунктами, которые никто уже не перечитывал.

Она подошла ближе, и запах её духов, тяжёлый, с нотками чего-то древесного, легко перебил запах кофе, который ещё стоял в воздухе. Я подумала, что ей бы подошло работать в парфюмерии. Или в разведке. Или там, где люди умеют одновременно улыбаться и ставить подпись.

— У тебя галстук перекошен, — сказала она.

И, не дожидаясь ответа, протянула руку и поправила узел. Пальцы у неё были тонкие, с аккуратным маникюром цвета пыльной розы. Она провела ладонью по его воротнику, разглаживая ткань, и эта секунда заняла времени больше, чем нужно для любого галстука в мире.

Артур не отстранился. Я ждала, что он отступит на шаг, или скажет что-нибудь сухое вроде «спасибо, я справлюсь», или хотя бы посмотрит на её руку так, как смотрит на опоздавшего кандидата. Он не сделал ничего. Стоял прямо, с бокалом воды в левой руке, и смотрел поверх её плеча в окно, будто там, в ледяном тумане, было что-то важнее.

Вероника повернулась к залу. Медленно, с достоинством, как актриса, которая знает, где стоит камера.

— Дорогие коллеги, — сказала она, и голоса вокруг стихли не сразу, а по очереди, от столика к столику, словно кто-то выключал звук на пультах. — Я просто хотела сказать, что рада видеть всех. Особенно тех, кто помнит, как здесь всё устроено. Место невесты не пустует. Оно временно занято. Но никто, — она чуть улыбнулась, — никогда не отменял очередь.

Кто-то за соседним столиком тихо засмеялся, потом поспешно замолчал. Одна из жён, в золотистом платье, поднесла к губам салфетку и промокнула их так аккуратно, будто боялась испачкать что-то, что ещё не произошло.

Я смотрела на Артура. Он молчал. Не отводил взгляда от окна, не делал вид, что не расслышал, не улыбался, не хмурился. Его лицо было таким гладким и закрытым, что на нём ничего не удерживалось, как на стекле после дождя. Вода на стекле стекала, и никто не знал, что за ней.

И тут я поняла, что не он здесь хозяин.

Хозяйкой была она. Вероника двигалась по залу так, будто помнила, где стоят стулья, где проходят сквозняки и на каком этаже подают лучший хлеб. Гости поворачивались к ней, как подсолнухи, и даже официанты, проносившие поднос с устрицами, слегка сбились с шага, когда она их заметила. Артур же стоял в центре, как колонна, которую поставили здесь по проекту и забыли спросить, нравится ли ей место.

Я опустила список и поняла, что сжимаю его так сильно, что край бумаги отпечатался на ладони. Рядом с Вероникой

я вдруг почувствовала себя очень ясно: я здесь на работе. Со списком, с карточками, с часами, которые показывали двадцать один двенадцать. И никто в этом зале не собирался меня спрашивать, почему я стою так близко к его плечу.

Вероника наконец повернула голову и посмотрела на меня. Не сразу. Сначала скользнула взглядом по моему платью, потом по списку, потом по рыжим волосам, которые я в тот вечер почему-то собрала слишком туго. В её глазах не было злости. Было любопытство, какое бывает у людей, которые впервые замечают в комнате новую мебель.

— А это кто? — спросила она у Артура, хотя смотрела на меня.

Он наконец шевельнулся. Вернее, сделал вдох, который был слишком длинным для такого короткого вопроса, и я успела подумать, что сейчас он скажет что-нибудь ледяное и правильное, как все его регламенты.

Но он не ответил.

И эта пауза стала громче, чем любой ответ.

Вероника не спешила. Она выдержала паузу, как опытная ведущая, которой шепнули, что в зале есть свободные уши. Потом перевела взгляд с меня на гостей, и я почти увидела, как она раскладывает меня по полочкам: выскочка, ассистентка, рыжая, без связей, но с подозрительно аккуратным списком в руках.

— Это Полина, — наконец сказал Артур. Ровно, без интонации, так зачитывают номер кабинета. — Ассистент.

Ответ был верным и скучным, и я мысленно поставила ему плюс в графу «регламент». Но Вероника уже нашла нужный тон.

— Ассистент, — повторила она, пробуя слово на вкус. — Новый сотрудник, да? Говорят, с очень хорошими рекомендациями. Редко встретишь людей, которых так хвалят заранее.

Она сказала это, обращаясь к залу. Двое мужчин у ближнего окна уже повернулись, и в глазах одного мелькнуло то самое предвкушение, с которым зрители смотрят, как на сцене кто-то неловко споткнётся. Жена в золотистом платье опустила салфетку.

Я могла бы промолчать. Это было бы разумно, правильно и очень удобно для всех, кроме меня. Но я проработала в event-индустрии достаточно долго, чтобы знать: если на тебя направили прожектор, прятаться в тень бессмысленно. Надо сказать что-нибудь такое, после чего прожектор начнёт светить в другую сторону.

— Спасибо, — сказала я и улыбнулась так широко, что самой стало неловко за зубы. — Рекомендации действительно хорошие. Их писали люди, которые отличают место невесты от места для гостей. Они утверждают, что я никогда не путаю очередь с буфетом.

Кто-то за соседним столиком фыркнул. Вероника едва заметно подняла бровь.

— Но вы правы, — продолжала я, пока не передумала.

— Очередь никто не отменял. Это точная формулировка. Очередь отменяют тогда, когда в ней оказывается слишком много людей, которых никто не приглашал. Это пункт, если я не путаю, четвёртый. Или пятый. Артур, вы не помните?

Он не ответил. Я видела, как у него дёрнулся мускул на скуле, и поняла, что только что поставила его перед выбором: либо подтвердить мою цитату, либо признать, что регламент существует и без него. Ни то ни другое ему не нравилось.

— Точно пятый, — неожиданно сказал мужчина у окна, тот самый, с предвкушением в глазах. Потом поймал мой взгляд и, кажется, сам удивился. — Я, между прочим, в таких очередях стоял. Везде есть пятый пункт.

За соседним столиком кто-то хлопнул в ладоши. Один раз, неуверенно. Потом ещё раз, уже увереннее. Потом аплодисменты подхватила вся компания у второго окна, как волна, которая находит берег там, где её никто не ждал. Я почувствовала, как краснеют щёки, но не отвела глаз. Аплодировали не мне, а тому, что было сказано вовремя. Это я понимала очень хорошо. Из таких вещей и складывается репутация.

Вероника улыбалась. Улыбка была идеальной, без единой трещинки, но пальцы, которыми она держала бокал, стали чуть белее.

— Полина, — повторила она, будто записывала моё имя в ежедневник, который собиралась потом выбросить. — Вы всегда так отвечаете людям, которые пришли сюда с добры-

ми намерениями?

— Только тем, кто начинает разговор с галстуков, — сказала я. — Это довольно предсказуемо.

Артур наконец посмотрел на меня. Не на Веронику, не на зал. На меня. Коротко, резко, как смотрят на документ, в котором нашли опечатку, но которую никто, кроме тебя, не заметил.

Вероника тоже это увидела. И, кажется, поняла первой.

— Береги себя, — сказала она мне почти нежно. — Очереди бывают очень длинными. Особенно там, где собираются те, кто давно здесь стоит.

Потом она повернулась к Артуру и, не спросив разрешения, снова поправила ему воротник. Двумя пальцами, быстро, будто ставила точку.

— Тебе идёт, когда ты молчишь, — сказала она. — Всегда шло.

И пошла прочь. Медленно, с прямой спиной, в бордовом платье, которое ловило свет от люстр и отражало его на стекле. Она не оглянулась. Остановилась у столика Юрия Андреевича, наклонилась и сказала что-то такое, от чего он расплылся в довольной улыбке и даже приподнял бокал в её сторону. Тот самый Юрий Андреевич, который собирался рассказывать про свою яхту через пять минут. Пять минут уже прошли, но яхта подождёт. Вероника умела уходить так, что оставляла за собой не пустое место, а ощущение, что без неё тут скучно.

Зал вернулся к разговорам, но звук стал другим: приглушённым, с тем особым оттенком, какой бывает в помещении после того, как кто-то громко уронил поднос и все делают вид, что ничего не случилось. Официант с устрицами, который до этого сбился с шага, теперь шёл ровно, и я заметила, что он смотрит на меня с какой-то новой осторожностью, как на человека, которого стоит запомнить.

Я опустила список. Бумага смялась, и на ладони снова остался след от края, как неделю назад, когда я впервые приехала в «Меридиан» и не знала, куда девать руки.

Артур молчал. Он не отвернулся к окну и не поправил галстук, который Вероника уже поправила за него. Он стоял рядом, с бокалом воды, которую так и не выпил, и смотрел на меня так внимательно, будто только что вошёл в комнату, где я всё это время сидела, и заметил, что я не мебель.

Я ждала, что он скажет что-нибудь сухое, про испытательный срок или пункт, который я нарушила, или про то, что ассистенты не участвуют в диалогах с гостями. Это было бы привычно, и я была бы даже рада такой привычности.

Но он молчал. И взгляд у него был такой, что я впервые за месяц не смогла понять, что он думает, а это, как выяснилось, нравилось мне гораздо меньше, чем я готова была признать.

На часах у панорамного окна было двадцать один двадцать. Я сделала себе мысленную пометку: проверить, сколько сейчас длится очередь на места за столом у Лидии Арка-

дьевны. И тут же поняла, что пометка эта совсем не про работу.

Я уже решила, что сцена закончилась, и начала мысленно составлять отчёт о мероприятии: три пункта нарушения, один пункт выполнения, итог — ужин прошёл. Но Артур стоял рядом и молчал, а молчание у него было не пустым. Оно работало, как работает хорошо выставленный свет, когда всё видно, но никто не понимает, откуда он идёт.

— Если вы сейчас скажете, что я превысила полномочия, — начала я, — я соглашусь заранее. Экономит время.

Он не ответил. Поставил бокал с водой на край стойки, аккуратно, по центру салфетки, и только потом повернул голову к залу. Я проследила за его взглядом. У входа в основной зал стояла Лидия Аркадьевна. Она разговаривала с секретарём фонда, но смотрела поверх его плеча, и смотрела именно на нас. Одна бровь у неё приподнялась на миллиметр, ровно настолько, чтобы я поняла: мне поставлена оценка, и передавать её никто не будет.

— Ваша мама, — сказала я шёпотом, — кажется, довольна.

— Она не бывает довольной, — ответил Артур. Это было первое слово за минуту, и он тут же пожалел о нём, я видела это по тому, как поджались губы. Больше ничего не добавил.

Мы пошли к столу. Он шёл на полшага впереди, как ведущий, которому не нужно оглядываться, потому что за ним всегда кто-то идёт. Я, как положено, держалась сбоку и счи-

тала шаги. Двенадцать от окна до колонны, четыре до стола. Официант с устрицами снова посторонился, но теперь уже не осторожно, а с тем почтением, которое, видимо, в этом здании заработать труднее, чем квартиру в центре.

На нашем месте лежала карточка. «Беляев А. Г.» — и ниже, мелким шрифтом, «Воробьёва П.», хотя по протоколу мне полагалось место у второго края, рядом с ведомостями. Кто-то переставил карточки. Я не стала спрашивать кто. Вероника не стала бы ставить себя в такое положение, а Лидия Аркадьевна ни о чём не просила. Скорее всего, это сделал сам Артур, и теперь он смотрел на карточку так, будто сам не понимал, зачем.

— Исправлю, — сказала я, потянувшись к ней.

— Не надо.

Он взял карточку первым, перевернул и аккуратно положил обратно, лицом вниз. Потом сделал то, чего я от него совсем не ожидала: отодвинул мой стул. Не широко, ровно настолько, чтобы сесть без неловкости, и отошёл на шаг, пока я устраивалась.

Я села. Сердце колотилось так, будто я только что пробежала от лифта до кухни, и я злилась на него за это. Очень глупо злиться на человека за то, что он вежливо подвинул стул. Но именно эта вежливость и была самой неудобной вещью за весь вечер.

— Вы могли бы хоть что-нибудь сказать, — тихо проговорила я, не поворачиваясь. — Например, что в следующий

раз мне надо молчать.

Он сел напротив, поправил приборы, которые и так лежали идеально, и наконец посмотрел на меня. Без иронии, без привычной линейки в глазах. Просто смотрел, как смотрят на цифру, которая не сходится с ожидаемой.

Он так ничего и не сказал.

Вместо этого налил мне воды из графина. Себе не налил. Поставил стакан ровно у моей руки, сдвинул его на сантиметр, потом ещё на один, будто проверял, что стакан стоит там, где ему положено. Его пальцы на секунду задержались на стекле. Совсем недолго, но я заметила.

Рядом Юрий Андреевич уже снова рассказывал про яхту. Кто-то смеялся. Официант поставил перед нами тарелки с рыбой, которой я не хотела, но которую теперь придётся съесть, потому что отказаться значило бы признать, что мне нужна пауза. Я взяла вилку и почувствовала, что руки у меня больше не дрожат, зато дрожь переместилась куда-то под рёбра, где её не видно.

Вероники в зале не было. Её бордовое платье мелькнуло где-то у лифтов, и потом пропало за колонной, и мне показалось, что она оглянулась, но, может, это был просто блик от стекла. Панорамное окно за спиной Артура темнело, и город снаружи зажигал огни один за другим, без всякой очереди, как будто каждому из них тоже кто-то когда-то обещал место.

Я отпила воды. Вода была комнатной температуры, как он

любил, и я подумала, что он, наверное, помнит это с первого дня, а я теперь буду помнить, что он помнит.

Артур тоже взял вилку. Посмотрел на свою тарелку, потом на меня, потом снова на тарелку, и сказал наконец, так тихо, что это почти не было словами:

— Пятый пункт. Вы правда помните его наизусть?

— Нет, — ответила я. — Я его придумала по дороге.

Он кивнул, будто подтверждая что-то для протокола, и снова замолчал.

Это было хуже, чем любой выговор. Выговор можно было бы разобрать по пунктам. А этот молчаливый, внимательный взгляд я не могла ни внести в регламент, ни вычеркнуть из памяти, и весь оставшийся ужин, пока к нам подавали десерт и кто-то снова говорил речи, я ловила себя на том, что жду, когда он скажет хоть что-нибудь, и одновременно боюсь, что он скажет.

Глава 4

Условие Лидии Аркадьевны

Меня на том обеде не было, и это, как я теперь понимаю, было единственным справедливым в этой истории. Но через неделю Глеб рассказал мне всё в кофейне на первом этаже «Меридиана», со всеми подробностями, половину которых, по его собственному признанию, придумал. Я записываю то, что совпадает у него с тем, что я знаю об Артуре, и выкидываю остальное.

Обед был назначен на семь. Лидия Аркадьевна не любила, когда приборы стоят не по линейке, и не любила опозданий, поэтому сын приехал без трёх минут семь, что для него было почти вызовом. Горничная открыла дверь, приняла пальто и сказала, что Лидия Аркадьевна в столовой. Артур прошёл через холл, где на стенах висели три пейзажа с одинаковыми берёзами, и подумал, что в этом доме даже деревья выстроены по росту.

Суп уже стоял на столе. Бульон был прозрачный, как решение, которое принимают без обсуждения.

— Садись, — сказала мать. — Остынет.

Он сел. Она налила себе чай из серебряного чайника, а ему не налила ничего, потому что знала, что он будет пить воду. Глеб уверял, что в этом и была вся их семейная психо-

логия: никто не спрашивает, никто не предлагает, но все всё знают заранее.

— Совет утвердит председателя в мае, — начала Лидия Аркадьевна, не дожидаясь, пока Артур поднесёт ложку ко рту. — Отец уже согласовал это с Гаевым и Сёминым. Место уходит тому, кто приходит на собрание устойчивым.

— Я устойчив, — ответил Артур.

— Ты холост, — сказала мать. — Для совета это не устойчивость, это незавершённый проект. Сёмин женат двадцать лет, у него трое детей и дача в Барвихе, которую он показывает фотографиями. Совет любит фундамент. Ты приносишь им окна.

— Окна тоже неплохо.

— Окна бьются, Артур.

Он отложил ложку. В голове, как всегда, сработала внутренняя таблица. Первая строка: Вероника. Он произнёс её мысленно и сразу поставил крест. Вероника в роли жены означала бы публичную партию, в которой она будет держать свою роль, как держат микрофон, и кончится всё тем, что через полгода совет получит её интервью о том, как Беляев ушёл к другой. Вторая строка: женщина из другой компании. Выгодно, но тогда придётся объяснять совету, почему холдинг «Меридиан» отдаёт председательское место зятю конкурента. Третья строка: актриса по контракту. Он даже набросал пункты договора, и выглядели они отвратительно, потому что любой юрист увидит в них всё, что там есть. Чет-

вёртая строка: настоящая женитьба. Её он вычеркнул сразу, без всяких мыслей, просто потому, что при одной мысли о ней внутри что-то сжималось до размеров пуговицы.

— Ты перебираешь варианты, — сказала мать, не глядя на него. — Я вижу это по тому, как ты двигаешь ложку. Ты всегда так делаешь, когда не можешь выбрать между двумя неправильными вещами.

— Я перебираю варианты, — ответил он. — Это называется анализ.

— Это называется отговорка. Анализ у тебя заканчивается на втором пункте, потом начинается обида.

Горничная убрала суп и принесла второе: телячью вырезку с гарниром из пюре, которое Лидия Аркадьевна делала сама, потому что никому не доверяла масло. Артур ел медленно. Мать тоже. Она вообще никогда не ела быстро, и Глеб утверждал, что однажды видел, как она полчаса доедала одну маслину, потому что переговоры шли в телефоне.

— Вероника звонила, — сказала Лидия Аркадьевна. — Вчера.

— Я знаю.

— Она спрашивала, правда ли, что у тебя появилась ассистентка, которая всем отвечает. Я сказала, что ассистентка в «Меридиане» отвечает только тем, кто ей интересен.

Артур посмотрел на мать так, как смотрят на документ, в котором нашли опечатку в собственной фамилии.

— Ты не могла этого сказать.

— Могла. И сказала. Воробьёва мне понравилась. — Лидия Аркадьевна промокнула губы салфеткой, сложила её вчетверо и положила у края тарелки. — Это плохо, Артур. Когда мне кто-то нравится, я начинаю считать его полезным. А полезные люди, как ты знаешь, очень быстро становятся обязательствами.

— Я не собираюсь ничего с ней обсуждать.

— Ты уже обсуждаешь. Ты считаешь, сколько она стоит, и не можешь сообразить, почему она не продаётся.

Он промолчал. Это было правдой, и мать это знала, поэтому не стала развивать тему. Она налила себе ещё чаю, сделала глоток и только тогда подняла глаза.

— Я не спрашиваю, нравится ли тебе эта ситуация. Мне неинтересно, что тебе нравится. Я спрашиваю, сколько у тебя времени.

— До мая.

— Четыре месяца, если считать без праздников. — Она поставила чашку. — Совет не будет ждать, пока ты разберёшься в своих чувствах. Совет будет смотреть на кольцо. Или на его отсутствие.

Артур вспомнил, как в детстве отец говорил то же самое про оценку за четверть: не важно, что ты выучил, важно, что написано в журнале. Тогда он верил, что журнал можно исправить. Теперь он был взрослым и понимал, что журнал никто исправлять не станет.

— Ты можешь прийти с Вероникой, — сказала мать спо-

койно, будто предлагала ему переставить вазу. — Она будет счастлива. Совет получит привычную картину, и никто не станет задавать вопросов.

— Нет.

— Я так и думала. — Лидия Аркадьевна коротко кивнула. — Тогда приходи с кем-то другим. Но предупреждаю: с тем, кого ты не сможешь выставить в конце собрания за дверь, как документ на подпись.

Он вдруг подумал, что мать говорит о Полине, даже не называя её. Подумал и тут же разозлился на себя за эту мысль, потому что в ней не было ни капли регламента, только раздражение и что-то ещё, чему он не хотел давать имени.

— Я подумаю, — сказал он.

— Ты не думаешь, Артур. Ты считаешь. Думать начинают тогда, когда сумма уже не сходится.

Горничная принесла десерт, пирог с яблоками, и поставила его перед ним без единого звука. Он даже не посмотрел на него. Мать тем временем уже рассказывала про благотворительный вечер в прошлом месяце, про то, что жена Гаева перепутала вилки и что это было очень неприлично. Артур слушал вполуха, потом кивнул в нужных местах, потом встал, поблагодарил за ужин, что для его матери было единственной разрешённой формой прощания, и пошёл к выходу.

У двери она всё-таки сказала ему вслед:

— Передай своей ассистентке, что я жду её в следующий

понедельник. Посмотрим, насколько она устойчива.

Он не ответил. Вышел на крыльцо, где пахло мокрым снегом и выхлопами, хотя по календарю была только середина февраля. Водитель уже открыл дверь машины. Артур сел на заднее сиденье, достал телефон и открыл список контактов. Пролистал до буквы «В», потом остановился, снова пролистал и посмотрел в окно, где по стеклу медленно сползали капли.

Решения у него не было. Был список из четырёх строк, три из которых он уже вычеркнул, и одна, которую он пока не решался ни вычеркнуть, ни записать.

— Куда, Артур Геннадьевич? — спросил водитель.

— В офис, — сказал Артур и тут же поправил себя: — Нет. Подождите.

Он так и не сформулировал, чего именно ждёт, и это было первое за весь вечер, что он не мог внести ни в один регламент.

* * *

В понедельник кофе ждал меня у двери переговорной, как курьер, которому велели не заходить внутрь. Алина, не поднимая головы от монитора, шевельнула губами: «Серая. Без ноутбука». Я хотела спросить почему, но она уже отвернулась, и вопрос остался при мне, как и чашка.

Серая переговорная стояла в самой середине этажа, меж-

ду копировальной и кладовкой с канцелярией, и окон в ней не было вовсе. Говорили, что её специально так спроектировали для разговоров, которые не должны ни увидеть, ни услышать. Стены были обиты тёмно-серой тканью, стол один, круглый, на шестерых. Свет шёл сверху ровный, без теней, как в поликлинике или на фотосессии для каталога офисной мебели. Я всегда чувствовала себя там так, будто сейчас из меня достанут что-то важное и положат на сукно.

Артур сидел спиной к двери. Он не обернулся, когда я вошла, только сказал:

— Закройте.

Я закрыла. Щелчок замка прозвучал громче, чем следовало.

— Вы пришли в девять, — сказал он, глядя на часы. — Но вошли после того, как я на них посмотрел. Это разные вещи.

— Я стояла в коридоре и ждала, пока вы досмотрите часы.

— Вы стояли в коридоре, потому что Алина сказала вам «без ноутбука», и вы решили, что это шутка.

— Я решила, что это звучит как начало неприятного разговора.

— Это и есть начало неприятного разговора. Садитесь.

Я села напротив, положила блокнот и ручку и поймала себя на том, что ладонь сама легла на крышку блокнота, будто там могло быть что-то секретное. Артур проследил за этим движением и ничего не сказал, что было хуже любого комментария.

Перед ним не было ни папок, ни распечаток, только карандаш, лежащий строго параллельно краю стола, и чашка с кофе, который уже остыл, потому что он к нему не притронулся. Он смотрел не на меня, а куда-то в стену, в точку, которой не существовало, поскольку в Серой не было ничего, кроме серой ткани.

— В мае состоится весеннее собрание совета директоров, — сказал он. — Вы в курсе.

— Оно стоит в календаре красным.

— Совет выберет председателя. Это место давно обсуждается в моей семье. Мне нужен спутник. Точнее, спутница. На собрании, на ужине после него и на двух-трёх мероприятиях до мая. Официально мы помолвлены. Неофициально вы будете делать то, что я скажу, и не будете делать того, что я не говорил.

Я какое-то время молчала, потому что ждала, когда он засмеётся. Он не смеялся. Он выравнивал карандаш, хотя тот и так лежал идеально.

— Вы серьёзно? — спросила я.

— Я никогда не говорю о серьёзном. Я говорю о договоре.

— Артур Геннадьевич, вы предлагаете мне выйти за вас замуж на бумаге.

— Я предлагаю вам роль. Замужество, если вы хотите его называть, будет не по бумаге, а по регламенту. Разница существенная.

— Для кого?

Он наконец посмотрел на меня. Взгляд у него был такой, каким он смотрит на цифры, которые не сошлись в последней строке.

— Сумма, — сказал он, — за весь период. Назову её, когда вы скажете, что готовы обсуждать условия, а не моё поведение.

— Я готова обсуждать условия.

— Тогда слушайте. Я назову цифру, и вы не будете показывать мне лицо, как будто слышали оскорбление.

Он назвал. Я действительно не смогла сохранить лицо. Цифра была в несколько раз больше, чем мой оклад за полгода, и приписка к ней звучала ещё нелепее.

— Это зарплата за полгода, — сказала я, — плюс премия за неудобство?

— Это компенсация за неудобство. Премия предполагает, что вы что-то сделали хорошо. Вы пока ничего не сделали хорошо, вы просто не сломались на собеседовании и на первой неделе.

— Спасибо. Очень вдохновляюще.

— Я вас не вдохновлял. Я вас нанял.

Он произнёс это спокойно, как сообщают время. Я почувствовала, как внутри что-то дёрнулось, и разозлилась на себя за это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.